

Наталья Петрова

Яд кураре, замороженный труп и восковой двойник: болезнь и смерть Ленина в слухах 1920-х гг.¹

Образ Ленина в фольклоре рассматривался как в рамках официальной советской ленинианы (см., например, [Пясковский 1930; Дымшиц 1939] и др.), так и в работах позднесоветского или постсоветского периода, посвященных анализу конструирования политической мифологии ([Тумаркин 1997²; Панченко 2005] и др.). В обоих случаях речь шла преимущественно об одобряемых (если не полностью инициированных) властью способах создания «народного» образа Ленина в соответствии с устойчивыми фольклорными моделями или же о навязанных «сверху» конструктах.

В значительно меньшей степени исследователями проработан пласт неподцензурного советского фольклора, т.е. спонтанных, «низовых» (по отношению к власти) текстов и практик. Даже не являясь напрямую «антисоветскими», высказывания или действия подобного рода довольно часто воспринимались органами политического надзора как враждебные или опасные именно в силу своей стихийности, неорганизованности

Наталья Сергеевна Петрова
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва
pena.talya@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №14-18-00590 «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

² Впервые опубликовано: [Tumarkin 1983].

и неподконтрольности властным идеологическим институтам. Поэтому и источниками, в которых фиксируется неподцензурный советский фольклор, служат главным образом не сделанные собирателями записи устных текстов, но письменные документы, создававшиеся не фольклористами и не для фольклористов. Сюда относятся информационные сводки ОГПУ — НКВД и партийных органов, «письма во власть» (жалобы, доносы, заявления в разнообразные инстанции и т.п.), дневники, мемуары, личные письма.

На анализе такого рода источников построено исследование А.С. Архиповой бытовавших в 1920–1930-е гг. легенд о царе-избавителе в их «монархической» и «большевистской» версиях [Архипова 2010]. Среди текстов второй версии можно встретить рассказы о первом советском лидере, позволяющие говорить о том, что «вокруг фигуры Ленина начала складываться “избавительская легенда”; однако дальнейшего развития она не получила» [Архипова 2010: 19].

Ограничивается ли «низовой» образ Ленина узнаваемыми чертами «царя-избавителя» или же он актуализировал и какие-то иные устойчивые фольклорные мотивы? Чтобы ответить на данный вопрос, рассмотрим тексты о Ленине, бытовавшие в период его болезни и сразу после смерти.

Важно сказать несколько слов о специфике нашего материала. В информационных сводках, мемуарах, письмах и т.п. документах встречаются формулировки: «среди крестьян был пущен слух о...», «кулацкие элементы распространяют слухи про...», «ходят слухи, что...» и т.п. Между тем далее излагаются не только аморфные слухи (суждения, догадки, интерпретации), но и тексты вполне отчетливой нарративной структуры, которые в рамках фольклористической традиции можно определить как анекдоты, легенды и пр. Таким образом, понятие «слухи», вынесенное в название статьи, — это не структурная характеристика рассматриваемых текстов, а номинация, используемая в самих источниках. Кроме того, особенности этих источников определяют немаловажное свойство материалов — их опосредованный характер. То, с чем мы имеем дело, можно назвать «текстами о текстах». Структура и прагматика самих «слухов» не вполне ясны из их пересказов в письмах, мемуарах и сводках, но при этом остается возможность вычленить «семантические осколки» исходных текстов в виде отдельных мотивов.

Прежде чем перейти к слухам, следует обозначить основные события, произошедшие в конце жизни Ленина и так или иначе воспринятые устной традицией:

- 30 августа 1918 — покушение Каплан.
- 20 ноября 1922 — последнее публичное выступление.
- С 12 марта 1923 — публикация бюллетеней о здоровье.
- 15 мая 1923 — переезд в Горки.
- 21 января 1924 — кончина Ленина.

Складывается следующая картина: жизнь Ленина в первые послереволюционные годы подвергалась опасности; спустя несколько лет он исчезает из публичной сферы; затем обнародуются сведения о его болезни и, впоследствии, смерти. Строгая дозированность официальной информации вызывала у людей потребность в дополнительных деталях и порождала стихийные обсуждения и предположения.

В ситуации с покушением на Ленина широкое отражение в неподцензурном фольклоре получили не столько подробности самих событий, сколько последующая судьба стрелявшей в него Фанни Каплан¹. Ее можно назвать «псевдоживым персонажем», тексты о котором содержат мотивы чудесного спасения и заточения. Здесь есть пересечения с сюжетом АТУ № 766 («Король под горой»), о котором пойдет речь ниже. Различия заключаются в ином статусе персонажа (это не правитель / военачальник / герой), в отсутствии темы контроля над жизнью страны и возвращения для экстренного выполнения своих военных или административных функций.

Рассмотрим, например, отрывок из протокола допроса В.А. Новикова от 17 декабря 1937 г.:

В июле 1932 г. в пересыльной тюрьме в г. Свердловске, во время одной из прогулок на тюремном дворе, я встретил Каплан Фаню в сопровождении конвоира. Несмотря на то что она сильно изменилась после нашей последней встречи в Москве в 1918 г., я все же сразу узнал ее. Во время этой встречи переговорить мне с нею не удалось. Узнала ли она меня, не знаю, при нашей встрече она никакого вида не показала [Выписка из протокола 1993: 86].

Рассказ подкупает конкретными деталями: названа достаточно точная дата (месяц и год) встречи с Фанни Каплан, указано вполне определенное место — пересыльная тюрьма в Свердловске. Все звучит довольно убедительно и правдоподобно,

¹ Бытование текстов о Фанни Каплан, обнаруженных в рассмотренных мною источниках (главным образом, в воспоминаниях о ГУЛАГе), относится к 1930–1970-м гг., потому трудно судить о точном времени их формирования. Даты фиксации рассматриваемых слухов авторами воспоминаний даются в квадратных скобках перед цитатами, поскольку они не совпадают со временем публикации мемуаров (по понятным причинам издать воспоминания политзаключенных в нашей стране стало возможным в позднесоветское и постсоветское время).

однако восприятие источника меняется, когда он помещается в ряд похожих текстов, предлагающих другие варианты этой самой конкретики: география посмертного «обитания» героини слухов весьма обширна (Москва, Суздаль, Владимир, Орел, Воркута, Магнитогорск, Иркутск, Колыма, Казахстан).

Основной мотив рассказов о Каплан — помилование ее Лениным:

[1918—1959 гг.] *В течение тридцати с лишним лет ходила легенда о том, что Каплан якобы не была расстреляна по просьбе Ленина. Эту легенду повторяли буквально все — от профессоров и директоров школ до блатных парней. Легенде этой сокрушительный удар, как известно, нанесла книга Мальцева [Малькова. — Н.П.] «Записки коменданта Московского Кремля», вышедшая в 59 году [Левитин-Краснов 1980: 352].*

[1947—1977 гг.] *И вот, наряду с безусловно негативным (в то время) отношением народа к Фанни Каплан, в народе жила и живет легенда о том, что она не была расстреляна тогда еще, в 1918 г., что Ленин был настолько гуманен, что отправил ее на вечную ссылку куда-то на Колыму, где она и работает в одном из лагерей (или тюрем) библиотекарем. Рассказчик не преминет похвастаться, что он сам (или его приятель, или приятель приятеля) видел ее. <...> Впервые я услышал ее в 1947 г. от отца, который, будучи на Колыме, конечно же, «видел» Фанни и мог подробно описать, как она выглядит. Я тогда поверил ему. Но после заявления Малькова, а особенно после того, как в лагерях я встретил десяток заключенных (в основном это бывшие уголовники), которые тоже «лично знали» Фанни (причем она иногда жила не на Колыме, а то во Владимирской тюрьме, то на Воркуте, но непременно была библиотекарем! То есть сознание заключенных не могло связать ее с какой-нибудь грязной работой, а лишь с самой интеллигентской), я, естественно, засомневался. Последний раз я услышал о Фанни как о все еще доживающей свой век библиотекарьше из уст моего коллеги-слесаря в селе Васильевском в 1977 г., который, конечно, тоже видел ее, когда сидел в Степлаге (Омская область). Как и мой отец, как и десятки тысяч других... [Вайль 1980: 126].*

Гуманность Ленина не единственная фигурировавшая в слухах причина помилования его несостоявшейся убийцы:

[1935 г.] *Нам заключенные говорят, что в этом столыпинском вагоне ехала Каплан с дочерью. Она беременная была, Каплан. Я-то откуда знаю. Так они говорят. Каплан ведь вроде сразу убили. Кто знает точно? Никто не знает [Ларин 1999].*

Объяснение замены смертной казни на заключение по причине беременности связано с реалиями советского уголовного кодекса: с 1922 г. был введен запрет на ее применение по от-

ношению к беременным женщинам (Примечание к ст. 33 Уголовного кодекса СССР 1922 г.). Отсюда и включение в тексты нового персонажа — дочери Каплан, особых сюжетных действий не выполняющей и, по сути, являющейся субститутом фигуры своей «матери» для более отдаленных временных периодов:

[1956 г.] *Об этой библиотеке во Владимирской тюрьме ходил по всем лагерям страны один интересный слух: будто там провела всю свою жизнь еврейская героиня Фаня Каплан, стрелявшая в Ленина. Упорно ходили слухи, что Ленин приказал ее не расстреливать, потому что она была беременна. И в тюрьме у нее родилась дочь. Теперь Каплан якобы умерла, а ее дочка, хоть и имеет право выходить из тюрьмы, остается там и работает библиотекарем. Я видел многих «очевидцев», даже говоривших с ней* [Шифрин 1973: 243–244].

[1949 г.] *Кроме этой красотки [женщины-врача. — Н.П.], мне в Бутырке приходилось видеть еще только одну женщину — библиотекаршу, которая принимала заказы на книги и разносила их. Про эту девушку в военной форме ходил упорный слух, что она дочь Фани Каплан, якобы прощенной в последний момент Лениным. Это одна из популярных тюремных «параши»* [Мелетинский 1998: 529].

[1950-е гг.] [Про Фанни Каплан не рассказывали?] *Про Фанни Каплан очень много рассказывали в Бутырке. Библиотекари говорили, что она работала у них в библиотеке. Надзиратели говорили, что они ее видели. Кто-то еще говорил, что у нее там дочка родилась, и что дочка ходила в школу из Бутырки, и ее конвоир провожал* (Интервью А. Архиповой и А. Макарова с С.С. Печуро, расшифровка собирателей)¹.

[1932 г.] *В этой каторжной тюрьме [в Магнитогорске. — Н.П.] сидела также знаменитая Фаина Каплан, стрелявшая отравленными пулями в В.И. Ленина. Вместе с ней в политтюрьме была ее дочь, родившаяся в камере. Когда в Верхнеуральский политизолятор в 1929 году стали привозить большевиков-интернационалистов, Ф. Каплан с ее маленькой дочерью перевели в Суздальский политизолятор* [Боярчиков 2003: 164].

В последнем из приведенных текстов упоминается отравленная пуля, применявшаяся при покушении на Ленина. Вероятным первоисточником этой темы можно назвать слова наркома здравоохранения Н.А. Семашко, приведенные в газете

¹ Данный пример взят из источника, отличающегося по своему типу от остальных: это интервью, взятое А. Архиповой и А. Макаровым у С. Печуро, бывшей заключенной ГУЛАГа, в 2011 г. Эта беседа о неподцензурной советской мифологии имеет ретроспективный характер, поскольку речь идет о ситуации более чем полувековой давности.

«Беднота» в 1922 г.: *Владимир Ильич корчился в судорогах, скрежетал зубами от боли. Оказывается, что это было от отравления ядом кураре, которым индейцы мажут свои стрелы, чтобы бить слонов* (Цит. по: [Тумаркин 1997: 108]).

Мотив яда кураре также возник на официальном уровне и в процессе суда над эсерами в 1922 г. В обвинительном заключении по делу № 38 Члена ЦК ПСР Рихтера Владимира Николаевича говорится: *Помощь гр. Рихтера выразилась в том, что он достал и передал гр-ке Коноплевой яд «кураре», для отравления пули* (Цит. по: [Рихтер 2005: 244]). Кроме того, о ранении Ленина отравленной пулей сообщалось в первом издании Большой советской энциклопедии [Большая советская энциклопедия 1938: 374]. Еще один широко доступный источник распространения сведений об использовании яда при покушении на Ленина является фильм М. Ромма «Ленин в 1918 г.» (1939 г.). Мотив отравленной пули в слухах — пример усвоения официально принятой и распространяемой версии устной традиции.

Покушение Каплан некоторые современники связывали с последующей болезнью Ленина: *Ленина подкосил выстрел Каплан* [Четвериков 1991: 77].

Среди других версий часто называлось венерическое заболевание:

Потирая руки, передавали усиленно циркулирующие слухи о сифилисе Ленина, окончившемся прогрессивным параличом и полным безумием [Панин 1990: 14].

В информационной сводке по Владимирской губернии за 1923 г. можно, как кажется, проследить логику подобных умозаключений: *На Пульзаводе в Ковровском уезде один рабочий распространял слухи, что т. Ленин был болен какой-то венерической болезнью, ввиду чего его удалили из Совнаркома* [Неизвестная Россия 1993: 18]. Здесь отход Ленина от публичной политической жизни трактуется как насильственное и непочетное отстранение его от должности председателя Совнаркома, возможно, в связи с необходимостью его санитарной изоляции.

Представители политической верхушки могли транслировать подобные слухи в частных беседах (см., например, воспоминания жены О. Куусинена, секретаря Исполкома Коминтерна: *Спустя три недели после похорон Ленина Отто мне под большим секретом рассказал: вскрытие обнаружило, что причиной кровоизлияний был запущенный сифилис* [Куусинен 1991: 24]). При этом они, естественно, гневно опровергали эту версию в официальных публикациях: *Вы знаете, товарищи, глупые легенды, которые наши враги пытались пустить в ход, чтобы «объяснить» причину болезни Ильича. Лучшие представители науки не оста-*

вили камня на камне от этих сплетен, лучшие светила науки сказали: «Этот человек сгорел, он свой мозг, свою кровь отдал рабочему классу без остатка» [Зиновьев 1924: 551–553].

В сводках 1923 г. фиксируются бытовавшие среди населения представления о связи болезни Ленина с репрессиями. С одной стороны, глава советского государства предстает в традиционной роли доброго, но плохо осведомленного о положении дел правителя: *Заболел он от огорчения, узнав о массовых расстрелах от его имени [Великанова 1994: 179].* С другой стороны, его непричастность к происходящему утрируется настолько, что он превращается в одну из жертв репрессивной машины: *Вследствие расстрела ЧК его родственника поправел [Советская деревня 2000: 86].*

Еще одна трактовка причин недуга главы государства связана с идеей болезни как расплаты за грехи. Антирелигиозная политика советской власти, проявлявшаяся, среди прочего, в закрытии и разрушении храмов, способствовала актуализации темы божественного наказания осквернителей святынь в фольклорных нарративах¹. Фигура Ленина оказывается как бы в одном ряду с безымянными «приехавшими коммунистами» или конкретными поименно перечисленными местными активистами, упоминавшимися в подобных текстах: *Как курьез, можно привести слухи о том, что т. Ленина «покарал Бог за разорение храмов» [Советская деревня 2000: 86].*

Не миновал тексты о Ленине и типичный для фольклора о правителях мотив подмены (см., например, раздел о «подмененном царе» Петре Первом в монографии [Чистов 2011: 113–144]). В слухах 1920-х гг. данный мотив часто объединяется с мотивом скрываемой смерти правителя. В этом случае замена объясняется не только устранением неугодного неким политическим силам главы государства, но и потребностью в фигуре, выполняющей эту роль, пусть даже неодушевленной (что подчеркивает значение Ленина как символа советской власти):

Отношение крестьянства к Совласти не удовлетворительное² <...> Много этому способствуют разные агитаторы, распускающие слухи и тем будирующие массу: <...> об убийстве тов. Ленина и что под фамилией тов. Ленина работает другое лицо [ВЧК — ОГПУ 1995: 40].

В воинских частях усиленно обсуждался вопрос о том, кто заменит т. Ленина. Кр[асноармее]ц конвойной команды, приехавший

¹ См. статьи и материалы на эту тему: [Мороз 2000; Фадеева 2003; Штырков 2006; Буйских 2013; Каргополье 2009: 179–208].

² Орфография источника сохранена.

из командировки из Москвы, распространял слухи о том, что Ленин умер 3 [меся]ца тому назад, что он уже давно похоронен и советская власть изготовила **фигуру Ленина из воска** [здесь и далее выделение мое. — Н.П.], которая находилась в Колонном зале [Неизвестная Россия 1993: 17].

Распространение ложных слухов продолжается. Среди обывателей распространяется новый слух, что т. Ленин умер уже 6 месяцев тому назад, и все время находился замороженным, и только благодаря требованиям съезда советов, чтобы т. Ленин был им показан живым или мертвым, пришлось заявить о его смерти [Советская деревня 2000: 174–175].

Подобные слухи бытовали и в 1953 г. в связи с болезнью Сталина:

И вечером после работы все разговоры крутились вокруг большого «Усача»¹. Блестя глазами, говорившими совершенно о другом, Афоня выражал «надежду»:

— Советская медицина сильна, не дадут умереть, спасут.

— Так ведь Ленин же умер, не спасли.

— Тогда какое было развитие? А сейчас совсем другое дело. Но если выздоровеет — беда.

— Могут и не сообщить. Откуда нам знать? Я даже предполагаю большее:

— А вдруг он давно уже умер, а они делают вид, что болен?

Афоня тоже замолкает, сраженный такой возможностью.

— Да нет, это уж слишком. Зачем же тогда составлять бюллетени о состоянии здоровья, сообщать все это народу? Тогда бы все держалось в страшной тайне.

— Могут отходные пути готовить.

— Нет-нет, не может быть. Точно заболел. А вот сообщить, что выздоровел, могут [Далан 2003: 257].

После официального объявления о смерти Ленина начинается распространение текстов, в которых он фигурирует в качестве «царя-избавителя». В упомянутой статье, посвященной «избавительским» легендам, А.С. Архипова выделила следующие центральные мотивы, связанные с Лениным:

— «“Избавитель” был намерен осуществить социальные преобразования» (Ленин хотел отменить единый налог для крестьян, поэтому евреи его отравили; Ленин оставил записку «не обижать крестьян»; Ленин просил не организовывать колхозы).

— «Отстранение “избавителя”: арест, попытка убийства» (Ленин отравлен врагами-евреями / Троцким; Ленина убивает аглицкий король) [Архипова 2010: 25–26].

¹ Усач — прозвище И. Сталина.

Добавим, что среди способов расправы с политическим оппонентом, представленных в слухах, фигурирует такой специфический, как убийство вследствие ссоры: *Ленин перед своей смертью пошел к Троцкому в гости и стал спорить с ним о партийной дискуссии. В пылу спора Троцкий двумя выстрелами из револьвера убил Ленина: Троцкий был арестован и расстрелян на месте* [Великанова 2001: 79]. Троцкий может выступать в роли как победителя, так и жертвы в такой схватке: *В 26 типографии Мосполиграфа говорят, что т. Троцкий не болен, а ранен в живот Калининым и больше к работе не вернется* [Неизвестная Россия 1993: 14]; *Распространяются также слухи, что т. Троцкий ранен Зиновьевым на одном из партийных заседаниях* [Советская деревня 2000: 174]. Позднее (в 1930 г.) состав участников «бурной политической дискуссии» изменился: [Из личного письма] *Ворошилов, заспорив со Сталиным, сказал: «Почему советская власть задавила отцов красноармейцев?» — на что Сталин ему ответил: «Ну, а что же, а как же ты думаешь иначе поступить?» — тогда Ворошилов не вытерпел и произвел выстрел в Сталина, ранив тяжело последнего* [«Совершенно секретно» 2008: 1481–1482].

- «Власти демонстрируют двойника / куклу, для того чтобы провозгласить “избавителя” умершим» (восковая кукла выставлена в Мавзолее для доказательства смерти Ленина; вместо Ленина убит его двойник).
- «Избавитель спасается бегством, но это скрывают от народа» (Ленин бежал за границу).
- «Избавитель скрывается, но появится, когда его призовут» [Архипова 2010: 26].

Следует отметить, что неподцензурных текстов, содержащих данный сюжет (АТУ № 766 «Король под горой»), не так много. См., например, упоминание об этом в крестьянском письме 1926 г.: *Ленин жив, но он тайно ходит по земле и следит за работой Советской власти, а похоронен вместо него кто-то другой* [Письма крестьян 1968: 123]. Однако он охотно воспроизводился в официально распространяемых публикациях «советского фольклора». Возьмем, например, вятскую сказку «Скоро проснется Ильич» из сборника 1930 г. «Ленин в русской сказке и восточной легенде»:

Посылает своего посыльного к главному советскому доктору. Приходит доктор, а Ленин ему и говорит:

— *Можешь сделать так, чтобы я умер, только не совсем, а так, для виду?*

— *Могу, Владимир Ильич, только зачем же это?*

— *А так, — говорит, — хочу испытать, как без меня дела пойдут. Чтой-то все на меня сваливают. Во всяком деле мной загораживаются.*

— Что ж, — отвечает доктор, — это можно. Положим тебя не в могилу, а в такую комнату просторную, а для прилику стеклом накрою, чтобы пальцем никто не тыкал, а то затычут. <...>

Положили Ленина в амбаришко, марзолей называется, и стражу у дверей приставили. Проходит день, два... неделя, месяц — надое-ло Ленину лежать под стеклом.

Вот один раз ночью выходит он потихоньку задней дверью от марзолей и прямо в Кремль, в главный дворец, где всякие заседания комиссарские. <...>

Пришел он в марзолей, лег под стекло, думает:

«А ведь ничего, работают и без меня. Ладно. Проверю еще кое-где... Завтра к рабочим на завод схожу».

На другую ночь отправился Ленин на завод. <...>

«Тут ладно, — думает Ленин по дороге в марзолей, — теперь только мужиков проведать, узнать про их житье-бытье!» <...>

Вышел Ленин из избы радостный, в марзолей лег успокоенный, спит вот уже много дней после своих странствований.

Теперь уже, наверно, скоро проснется.

Вот радость-то будет.

Ни словами не расскажешь, ни чернилами не опишешь [Пясковский 1930: 40–43].

Здесь Ленин, подобно другим фольклоризованным историческим персонажам (Фридриху Барбароссе, Френсису Дрейку, Александру Суворову и др.), показан как герой временно отсутствующий, но обо всем происходящем знающий и готовый вернуться в случае необходимости. Культивация властью именно этой фольклорной модели биографического нарратива о правителе вполне объяснима: она прекрасно вписывается в педалировавшуюся после смерти Ленина идею преемственности власти, развития начинаний первого советского вождя («Дело Ленина живо»). По этой логике все продолжается в соответствии с замыслами Ленина и, более того, под его чутким, но незримым руководством.

В 1924 г., после смерти Ленина, в информационных сводках органов политического надзора отмечается всплеск обсуждений будущего советского государства. Виделась она отнюдь не радужной: преобладали ожидания конца советской эры. Причины назывались как внутривнутриполитические (вернется царская власть; власть захватят евреи), так и внешнеполитические (Советский Союз вступит в войну с другими государствами; вторгнутся иностранные войска). Так, обзорная сводка по Белорусской ССР сообщает:

В связи со смертью т. Ленина среди обывателей ведется контрреволюционная агитация антисоветского характера. Распространяются слухи, что со смертью Ленина соввласть должна

погибнуть, что его место займет какой-нибудь жид, который будет давать народ, что после смерти Ленина авторитет партии будет потерян. Также распространяются слухи, что в Минск после смерти Ленина должны прийти поляки, так как это самый удобный момент для них, что т. Троцкий продал какие-то тайные бумаги иностранным державам и за это предан суду [Неизвестная Россия 1993: 16].

Отдельная тема, связанная со смертью Ленина, — способ захоронения. Как показали Н. Тумаркин [Тумаркин 1997], А.М. Панченко и А.А. Панченко [Панченко, Панченко 1999], помещение тела в мавзолей, делавшее его доступным для всеобщего обозрения, можно рассматривать во многих культурных контекстах. Среди них христианская традиция почитания мощей святых, философия большевистского «богостроительства», влияние археологической сенсации 1922 г. (была обнаружена мумия фараона Тутанхамона), вера в развитие науки и техники, которые в будущем, возможно, позволят воскрешать мертвых. В названных работах главный акцент сделан на анализе позиции официальной идеологии, тогда как «низовая» реакция на нарушение традиционного похоронного обряда еще нуждается в дальнейшем изучении. Интересно, что в слухах 1920-х гг. (по крайней мере, в рассмотренных мной источниках) не отображается известное нам по бурным дискуссиям позднесоветского и постсоветского времени негодование по поводу «неправильного» захоронения (см., например, [Мединский 2012]).

Слухи 1920-х гг. о болезни и смерти Ленина демонстрируют дискретность его образа в неподцензурной устной традиции: то он выступает как безусловно положительный герой, справедливый правитель, с которым связывают мечты о лучшей жизни, то ему приписывается роль жертвы собственных пороков, приведших к тяжелой болезни, или же роль караемого грешника. Отчасти это может объясняться отсутствием в то время установленного и закрепленного официального канона повествования о главе нового государства, который формировался по мере распространения советского культа вождя. По мнению исследователей, официальная героизация личности Ленина тормозилась в раннесоветский период провозглашаемым приоритетом массового над индивидуальным: «Культурные потребности режима долго блокируются его же установкой на принципиальное отсутствие героя. Ленин есть самолицетворение масс, но столь же безличное, всеобщее, как они сами» [Вайскопф 2001: 337].

Также нельзя при указании на дискретность облика героя слухов не учитывать гетерогенность (формирование и бытование

в разных социальных средах) и обрывочность доступных в настоящее время текстов.

Роль Ленина как государственного лидера запускает фольклорную модель *доброто правителя*, другие семантические элементы нарративов о нем привязаны к конкретно-историческим (и вместе с тем типовым) ситуациям (покушение, болезнь, участие в разрушении церквей и т.д.).

Сопоставление стихийных рассказов о болезни и смерти первого советского лидера с фольклорной традицией показывает, что в основе текстопорождающей реакции на те или иные исторические события лежит актуализация устойчивых моделей фольклорного повествования.

Список сокращений

ATU — Uther H-J. The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography. Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. 3 vols // FF Communications. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004. No. 284–286.

Библиография

Архипова А.С. Последний «царь-избавитель»: советская мифология и фольклор 20–30-х гг. XX в. // Антропологический форум. 2010. № 12 Online. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_arkhipova.pdf> (дата обращения 23.07.2014).

Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1938. Т. 36: Ларте — Лилло.

Боярчиков А.И. Воспоминания. М.: АСТ, 2003.

Буйских Ю. «Если есть этот Бог на свете, то пусть меня накажет...»: представление о Божьей каре в рассказах о поругании святынь в Украине // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: Сб. ст. М.: РГГУ, 2013. С. 200–209.

Вайль Б.Б. Особо опасный. L.: Overseas Publications Interchange, 1980.

Вайскопф М.Я. Красный чудотворец: Ленин в еврейской и христианской традициях // Концепт чуда в славянской и еврейской традиции: Сб. ст. М.: Пробел-2000, 2001. (Академическая серия. Вып. 7). С. 336–366.

Великанова О.В. Образ Ленина в массовом восприятии советских людей по архивным материалам. Lewiston, Queenston, Lampeter: Edwin Mellen Press, 2001. (Slavic Studies. Vol. 6).

Великанова О.В. Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2. С. 117–185.

ВЧК — ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы: По материалам информсводок ВЧК — ОГПУ /

- Сост. Г.Ф. Доброноженко. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1995.
- Далан.* Жизнь и судьба моя: Роман-эссе. Якутск: Бичик, 2003.
- Дымищиц А.* Ленин и Сталин в фольклоре народов СССР // Советский фольклор: Сб. статей и материалов / Отв. ред. М.К. Азадовский. Л.: Художественная литература, 1939. С. 84–124.
- Зиновьев Г.Е.* Ленин как человек и товарищ // У великой могилы. М.: Красная звезда, 1924. С. 551–553.
- Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / Под общ. ред. А.Б. Мороза. М.: ОГИ, 2009.
- Куусинен А.* Господь низвергает своих ангелов: Воспоминания, 1919–1965. Петрозаводск: Карелия, 1991.
- Ларин В.Г.* Рассказ раскулаченного. 1999 <<http://www.sakharov-center.ru/museum/library/unpublishtexts/?t=pauts>> (дата обращения 14.06.2013).
- Левитин-Краснов А.Э.* В поисках Нового Града: Воспоминания. Тель-Авив: Круг, 1980. Ч. 3.
- Мединский предлагает похоронить Ленина // Интерфакс. 2012, 9 июня. <<http://www.interfax.ru/russia/txt/249940>> (дата обращения 29.01.2014).
- Мелетинский Е.М.* Моя тюрьма // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 1998. С. 489–572.
- Мороз А.Б.* Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. 2000. Вып. 6. С. 177–185.
- Неизвестная Россия. XX век. М.: Историческое наследие, 1993. Вып. IV.
- Выписка из протокола допроса арестованного Новикова Василия Алексеевича 1883 года рождения, от 17 декабря 1937 года // Источник. 1993. № 2. С. 86–87.
- Панин Д.М.* Лубянка — Экибастуз: Лагерные записки. М.: Обновление; Милосердие, 1990.
- Панченко А.А.* Культ Ленина и советский фольклор // Одиссей. Человечество в истории: Время и пространство праздника. М.: Наука, 2005. С. 334–366.
- Панченко А.М., Панченко А.А.* Осьмое чудо света // Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. С. 476–497.
- Письма крестьян в связи с кончиной В.И. Ленина // Вопросы истории. 1968. № 7. С. 118–124.
- Пясковский А.В.* Ленин в русской сказке и восточной легенде. М.: Молодая гвардия, 1930.
- «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 годы). Т. 8. Ч. 2. [1930 г.] / Под ред. Г.Н. Севастьянова. М.: ИРИ РАН, 2008.

- Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД, 1918—1939: Документы и материалы. В 4 т. Т. 2. 1923—1929 / Под ред. А. Березовича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000.
- [Рихтер] «Сын вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» процесса с.-р. 1922 г.: Документы и материалы из личного архива В.Н. Рихтера / Сост., коммент. К.Н. Морозова, А.Ю. Морозовой, Т.А. Семеновой (Рихтер). М.: РОССПЭН, 2005.
- Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект, 1997.
- Четвериков Б.Д. Всего бывало на веку. Л.: Редактор, 1991.
- Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функция социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.
- Шифрин А.И. Четвертое измерение. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1973.
- Штырков С.А. Рассказы об осквернении святынь // Традиционный фольклор Новгородской области: пословицы и поговорки, загадки, приметы и поверья, дет. фольклор, эсхатология: по записям 1963—2002 гг. СПб.: Тропа Троянова, 2006. Вып. 3. С. 208—230.
- Фадеева Л.В. Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 2003». Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижы», 2003. С. 123—126.
- Tumarkin N. Lenin Lives: The Lenin Cult in Soviet Russia, Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 1983.